

УДК 882

*Е.М. Бондарчук**

**ГЕРМЕТИЧНАЯ РАЦИОНАЛИСТИЧНОСТЬ КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ
(Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»,
Б.Л. ПАСТЕРНАК «ДОКТОР ЖИВАГО»)**

Статья посвящена рассмотрению проблемы рационалистического подхода в понимании смысла жизни. Автор сопоставляет мировоззренческие позиции главных рационалистов-мыслителей в романах «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского, «Доктор Живаго» Б.Л. Пастернака. Образ жизни, подчиненный «логике ума», определяется как «герметичный».

Ключевые слова: рационалистичность, герметичность, диалектика, смысл жизни, «логика ума», «доводы сердца», «живая жизнь», «театр ума», экзистенциальные проблемы.

Эпохи социальных катаклизмов, расшатывания морально-нравственных парадигм обостряют экзистенциальные проблемы. Восстановление утраченного единства с миром, обретение обновленного ощущения смысла жизни как «явленности бесконечного в конечном» [5, с. 146] происходит разными путями, в том числе через преодоление рационалистичности. В романах «Братья Карамазовы» и «Доктор Живаго» подход к жизни, основанный исключительно на «логике ума», рассматривается как тупиковый и разрушительный, а для высокоинтеллектуальных личностей — как влекущий за собой трагический исход судьбы.

На одном полюсе рационалистичности находятся герои думающие, такие как Иван Карамазов, герой его поэмы Великий Инквизитор, Павел Антипов-Стрельников, в своей жизненной философии стремящиеся к пониманию общих закономерностей жизнеустройства. Как рационалисты-мыслители они исходят в познании действительности из комплекса просветительских идей, согласно которым «вселенная действует наподобие человеческого ума, мыслящего логично и объективно; и что поэтому человек может в конечном счете понять все в своем опыте так же, как он понимает, например, простую арифметическую или механическую задачу» [3].

Другой полюс рациональности составляют герои рассудочного типа, которым присущи прагматизм, позитивизм. В «Братьях Карамазовых» это большая категория представителей «среды» (Ф.М. Достоевский). Систему их житейских воззрений и смысл жизни определяет стремление к наживе. Рационалисты-прагматики (Самсонов, Трифон Борисыч, Лягавый, поляки Муссялович и Врублевский, Ракитин) вполне приемлют лукавство, ложь и мошенничество. В романе «Доктор Живаго» им соответствует делец Комаровский. Статичность их жизни исключает какую бы то ни было возможность внутреннего развития и ситуацию «порога», за которым следует изменение. В сюжете романа им отведена роль «камней преткновения», на которые неизбежно «натываются» герои ищущие, которые таким образом проверяются обстоятельствами, в результате чего их слабости, их сила и их «иная» природа становятся особенно очевидны.

* © Бондарчук Е.М., 2017

Бондарчук Елена Михайловна (elena_bondarchuk@mail.ru), кафедра социальных систем и права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Однако героев, находящихся на разных полюсах рациональности, объединяют жесткая прикрепленность к «феноменальному» миру, духовная закрытость, замкнутый образ жизни, одиночество и отчужденность, порожденные гордыней, т. е. черты, которые в целом могут быть обозначены понятием *герметичность*, т. е. изолированность от мира.

Действительность, преломленная в «логике ума» диалектика Ивана Карамазова и математика Павла Антипова, предстает полной несправедливостей, которые влекут за собой боль и страдания людей абстрактных (Иван) и близких (Павел). Оба героя строят свои отношения с действительностью на противостоянии ей и ее отрицании. Действительности выносятся «приговор» за множество несообразностей и жестокостей, понять и принять которые «логикой ума» невозможно.

Ивану жизнь дорога вопреки логике, но рамки «умственного» подхода к жизни исключают любовь («...я никогда не мог понять, как можно любить своих ближних» [6, с. 272]), не дают ему возможности выйти на уровень ощущения полноты бытия. Сакральная глубина чувства воспринимается им как «надрыв лжи» (история про Иоанна Милостивого). Тонкости диалектического мышления Ивана, воплощенные в художественной форме — в поэме о Великом Инквизиторе, раскрывают глубину рационалистического заблуждения, которое выходит за пределы его судьбы, имеет корни в «вечности» и выражает трагедию отъединения человека от Природы, «отлучение» от Подателя жизни, что обусловлено «самоутверждением человека — героя этого мира, добывающего этим актом «свое декартово “я”, на котором далее все будет строиться» [4, с. 112]

Извилистая многоходовость диалектики Ивана оборачивается «дурной бесконечностью» мышления, является действием ума, занятого самим собой, сосредоточенного на себе. В «театре» карамазовского ума незаметно совершаются подмены смыслов: происходит апология насилия, которое можно совершать во благо. Появление мистического персонажа — черта — символизирует разрушительный характер пути героя, который оказывается перед внутренней бездной. «Причиной общего смыслового кризиса всегда в первую очередь становится кризис проективного измерения, если человеку становится экзистенциально “некуда жить” (Г.С. Батищев)» [5, с. 148].

Умственный подход делает героя личностью монологического склада, что исключает диалог с действительностью, в которой не предполагается наличие того, что превосходит ее интеллектуальное понимание. Герой, таким образом, лишен связи с онтологической глубиной, которая присутствует в каждой конкретной ситуации и ощущение которой дает право выступать «центром исхождения поступка» (Бахтин). Для него закрыты тайны миропорождающего начала (Е. Фарино), сакральная сущность бытия, «древняя правда» (Е. Баратынский). Но отблеск смутного ощущения намечен метонимическим образом «клейких листочков» — «природными впечатлениями, заключающими в себе сверхприродные откровения» [2, с. 225] и раскрывающими чувства героя.

Павел Антипов — «преемник» Ивана в том отношении, что, отрицая действительность, вступает на путь ее реального переустройства по «точным и логичным, рационально выверенным решениям» — «логарифмам» в формулировке «подпольного человека». Сложная внутренняя работа, которая привела к трансформации его личности, оставлена за пределами сюжета и обозначена повествователем пунктирно: гуманитарий, преподаватель латинского языка и древней истории увлекается математикой, физикой и другими точными науками и осваивает их самостоятельно в университетском объеме. Энциклопедичность знаний влечет за собой не освобождение, не обретение полноты бытия, а напротив, изолирует героя от мира, формируя ощущение собственного превосходства над другими.

«Прозрения» Антипова дважды кардинально меняют его образ жизни. Математически ясное, а в действительности упрощенное решение жизненных противоречий воспринимается героем как откровение, как озарение истины, которой он следует ригористично и со всей честностью, присущей его натуре. Ключевые события из жизни Антипова («прозрения» – участие в карательных акциях – гибель) получают зеркальное отражение в сюжетной линии второстепенного персонажа – солдата Памфила Палых. Являясь и двойником, и антиподом Расстрельникова, он разрушает иллюзию романтико-героического ореола, связанного со Стрельниковым. В прошлом зажиточный крестьянин он становится вершителем судеб в армейском совете: «черный, жестокий, с низким лбом <...> всегда за крайние меры, строгости, казни» [7, с. 328]. В противоположность эрудиту и интеллектуалу Стрельникову подчеркивается малообразованность, общая убогость и бездушие «не совсем нормального выродка». Мрачный и необщительный силач дважды, как и Антипов, переживает «прозрение»: первый раз, поняв «правоту» красных, второй раз, когда «спасает» семью от белогвардейского плена, зарубив жену и детей топором.

Другой двойник Антипова – анархист-максималист Клинецов-Погоревших, «философ», который из «спортивного» интереса осуществляет авантюрные социальные эксперименты (создает Зыбушинскую республику). Погоревших способствует усилению хаоса в стране, является адептом разрушения, которое рассматривает как основание для дальнейшего созидания нового общества «на совершенно других началах». Физический дефект (врожденная глухонмота) символизирует «герметичность» личности, лишенной возможности воспринимать мир и вступать с ним в диалог.

Гипертрофированная рационалистичность, следствием которой являются многочисленные жертвы, предстает в «Докторе Живаго» как феномен «духа времени». На мысль о неких сверхприродных процессах, вследствие которых произошел «обвал» времен, наводит фрагмент описания леса в части 12 «Рябина в сахаре». Образ пространства строится на визуальном эффекте «соскальзывающего глаза, неустойчивости или зыбкости границ между фигурой и фоном», открывающем сакральную глубину [9, с. 294]. «Точно этот суровый, подоблачный, богатырский лес, как-то споткнувшись, весь как есть, полетел вниз и должен был провалиться в тартарары, сквозь землю, но в решительный момент чудом удержался на земле и вот, цел и невредим виднеется и шумит внизу» [7, с. 339]. Зрительная наглядность места в «Докторе Живаго» трансформируется в зрительную наглядность времени. Сила сакрального места отмечена древними людьми: здесь, на языческом капище (по догадкам Живаго), совершались священнодействия и жертвоприношения неизвестных идолопоклонников. Жертвоприношение нового времени (казнь внутренних врагов партизанского отряда) лишено сакральности. Но хронотоп современности вписан в раму более древнего: нелепый и жестокий расстрел заговорщиков, санитаров-самогонщиков становится продолжением/повтором того, что находится в глубине времен.

Рационалистичность выражает не только существующий разрыв с жизнью, ее временное «забвение», но в иных случаях полную утрату памяти о ней, что всякий раз переживается человеком мучительно и приводит к драматическим изломам судьбы или ее трагическому исходу. «Необычайно насыщенное и акцентированное, доминантное, выделяемое интонационным курсивом» слово «жизнь» в языке Ф.М. Достоевского имеет магическое звучание и значение, которое само по себе выступает нередко «как *ultima ratio*», как полный и достаточный аргумент против всякого рода рациональности [2, с. 213]. Силую линию творчества Б.Л. Пастернака формирует ощущение кровного родства поэта с жизнью, понимаемой как «прокатывающееся вдохновение». «Живая жизнь» противопоставляется «по духу и сути любым общим формулам и парадоксам» [8, с. 22], идеям, теориям, «мертвым» доктринам и «буквам»,

которые составляют «книжный мир». Исключающая рационалистическое постижение, она открывается человеку иррационально (интуицией, вчувствованием, вживанием) и являет собою подлинную реальность, которая связана с вечным образом «Бога живаго».

Библиографический список

1. Бердяев Н.А. Откровение о человеке в творчестве Достоевского. URL: http://royallib.com/book/berdyayev_nikolay/otkrovenie_o_cheloveke_v_tvorchestve_dostoevskogo.html (дата обращения: 27.11.2016).
2. Бочаров С.Г. О художественных мирах. М.: Советская Россия, 1985. 296 с.
3. Бринтон К. Идеи и люди: история западной мысли. URL: http://krotov.info/libr_min/02_b/ri/nton_06.htm (дата обращения: 28.11.2016).
4. Гачев Г.Д. Космос Достоевского // Проблемы поэтики и истории литературы: сб. статей к 75-летию М.М. Бахтина. Саранск, 1973. С. 111–113.
5. Даренский В.Ю. Смысл жизни как феномен духовной рефлексии // Довгирдовские чтения IV: тенденции духовно-нравственного развития современного общества: материалы международной научной конференции / Институт философии НАН Беларуси. Минск: Право и экономика, 2013. С. 146–148.
6. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы: роман. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. 896 с.
7. Пастернак Б.Л. Доктор Живаго: роман. Куйбышев: Кн. изд-во, 1989. 528 с.
8. Туниманов В.А. «Подполье» и «живая жизнь» // XXI век глазами Достоевского: перспективы человечества. М.: Грааль, 2002. С. 11–22.
9. Фарино Е. Введение в литературоведение: учебное пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. 639 с.

References

1. Berdyayev N.A. *Otkrovenie o cheloveke v tvorchestve Dostoevskogo* [Apocalypse about man in the creativity of Dostoevsky]. Retrieved from: http://royallib.com/book/berdyayev_nikolay/otkrovenie_o_cheloveke_v_tvorchestve_dostoevskogo.html (accessed 27.11.2016) [in Russian].
2. Bocharov S.G. *O khudozhestvennykh mirakh* [About the artistic worlds]. M.: Sovetskaya Rossiya, 1985. 296 p. [in Russian].
3. Brinton K. *Idei i liudi: istoriya zapadnoi mysli* [Ideas and men: the history of Western thought]. Retrieved from: http://krotov.info/libr_min/02_b/ri/nton_06.htm (accessed 28.11.2016) [in Russian].
4. Gachev G.D. *Kosmos Dostoevskogo* [Space of Dostoevsky]. In: *Problemy poetiki i istorii literatury (sb. statei k 75-letiiu M.M. Bakhtina)* [Problems of poetics and history of literature (collection of articles to the 75 anniversary of M.M. Bakhtin)]. Saransk, 1973. P. 111–113 [in Russian].
5. Darenky V.Yu. *Smysl zhizni kak fenomen dukhovnoi refleksii* [Meaning of life as a phenomenon of spiritual reflection]. In: *Dovgirdovskie chteniia IV: tendentsii dukhovno-nravstvennogo razvitiia sovremennogo obshchestva: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Dovgirdov readings IV: tendencies of spiritual and moral development of modern society: materials of international research conference]. Minsk: Pravo i ekonomika, 2013. P. 146–148 [in Russian].
6. Dostoevsky F.M. *Brat'ia Karamazovy: roman* [The Brothers Karamazov: novel]. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2012. 896 p. [in Russian].
7. Pasternak B.L. *Doktor Zhivago: roman* [Doctor Zhivago: novel]. Kuibyshev: Kn. izd-vo, 1989. 528 p. [in Russian].
8. Tunimanov V.A. «Podpol'e» i «zhivaia zhizn'» [«Underground» and «living life»]. In: *XXI vek glazami Dostoevskogo: perspektivy chelovechestva* [XXI century by the eyes of Dostoevsky: perspectives of the humankind]. M.: Graal', 2002. P. 11–22 [in Russian].
9. Farino E. *Vvedenie v literaturovedenie: uchebnoe posobie*. [Introduction to literature studies: textbook]. SPb.: Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, 2004. 639 p. [in Russian].

*E.M. Bondarchuk**

**HERMETIC RATIONALISM AS A WAY OF LIFE (F.M. DOSTOEVSKY
«THE BROTHERS KARAMAZOV», B.L. PASTERNAK «DOCTOR ZHIVAGO»)**

The article is devoted to the problem of rationalist approach to finding the meaning of life. The author compares the philosophical positions of the main rationalist thinkers in the novels «The Brothers Karamazov» by F.M. Dostoevsky, «Doctor Zhivago» by B.L. Pasternak. The way of life, subordinated to the «logic of mind», is defined as «hermetic».

Key words: rationalism, hermeticity, dialectics, meaning of life, «logic of mind», «reasons of the heart», «living life», «theater of the mind», existential problems.

Статья поступила в редакцию 25/XII/2016.
The article received 25/XII/2016.

* *Bondarchuk Elena Mikhailovna* (elena_bondarchuk@mail.ru), Department of Social Systems and Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.